

УДК 316

К.Ю. Тарновский

Кризис самоидентификации в постиндустриальном обществе: российская специфика

Аннотация:

Статья рассматривает проблему самоидентификации в современном обществе. Кризис самоидентификации связывается с наслоением социальных парадигм: премодерна, модерна, постмодерна. Проводится идея, что постмодерн (как состояние культуры) и постиндустриальное общество сами по себе содержат потенциал, вызывающий неустойчивость позиционирования. В России кризис идентификации имеет свою специфику, на которой также останавливаются авторы статьи.

Ключевые слова: идентификация, модерн, постмодерн, постиндустриальное общество, аномия, советский человек, патернализм.

Об авторе: Тарновский Константин Юрьевич, кандидат философских наук, Московский государственный университет путей сообщения, старший преподаватель кафедры философии и культурологии; эл. почта: portulak13@yandex.ru.

Проблема аномии в российском обществе, затронутая нами в ряде статей прошлых лет, подвела нас к более глубокой, на наш взгляд, проблеме самоидентификации. Логично предположить, что в обществе, где нормы и ценности неустойчивы, не может быть и устойчивой самоидентификации, поскольку последняя должна базироваться на каком-то нормативном и ценностном фундаменте. Факторы аномии и причины кризиса самоидентификации, по нашему предположению, должны пересекаться, хотя они и не могут полностью совпадать друг с другом. Когда речь идёт о самоидентификации, мы имеем в виду, прежде всего, самоидентификацию личности, состояние аномии же рассматривается как болезнь именно общества. Однако так как личность (по Дюркгейму) представляет собой результат влияния социальных фактов, то можно предположить, что ситуация аномии является одним из факторов кризиса идентификации. В данных тезисах мы, однако, не ставим себе цель рассмотреть связь кризиса идентификации и аномии, но лишь хотим указать на некоторые социальные аспекты такого кризиса.

Под *самоидентификацией* мы понимаем обретение (обнаружение) собственной идентичности, предполагающая осознание собственной целостности. Под *идентичностью* – «единство внутриличностных и социально-культурных процессов» (вслед за О.А. Симоновой [4, 47]). В этом случае под *кризисом самоидентификации* мы подразумеваем тот момент, когда нарушается эта целостность, и человек оказывается в состоянии фрустрации, не будучи способным определить цель, к которой он (она) идёт, и ценности, на основе которой эта цель выбрана. Такой кризис – всегда кризис, связанный с неспособностью ответить на вопрос «кто я». При этом нам интересен не столько кризис отдельного человека (что, конечно, является предметом психологии), сколько тенденция к кризису идентификации как явлению социальному, причины которого, по нашему убеждению, также следует искать именно в обществе.

В российском обществе такой кризис имеет свои особенности. Жан Тощенко в книге «Парадоксальный человек» отмечает, что постсоветский человек сочетает в своем сознании противоречивые ценности [6, 35; 45]. Причину этого он видит в травме, которой стал для советского человека распад социалистической системы, последовавшие за ним экономические преобразования, точнее, разочарование в этих преобразованиях.

Нам, однако, хотелось бы детализировать эти причины, не стремясь сводить повествование именно к советскому/российскому человеку, хотя и во многом опираясь на опыт России, который нам ближе по вполне естественным причинам.

Несмотря на то, что понятия «постмодерн», «постмодернизм», «постиндустриальное общество» давно стали общим местом (что, впрочем, не означает, что каждый способен их объяснить), нам кажется уместным обращение именно к ним для уяснения причин кризиса идентификации.

Термины «постмодерн» и «постмодернизм» были рассмотрены нами в первом приближении*, поэтому мы не станем подробно останавливаться на их различии, указав главное: если под постмодерном можно понимать эпоху, которая, как считается, характеризуется «резким ростом культурного и социального многообразия, отходом от ранее господствовавшей унификации и от принципа чистой экономической целесообразности, возрастанием многовариантности прогресса», то постмодернизм – это рефлексия культуры на постмодерн. Иными словами, понятие постмодерна мы бы отнесли к общественному устройству в целом, то постмодернизм – культурная парадигма, складывающаяся на основе (и как результат) этого общественного устройства.

Постмодерн имеет несколько краеугольных камней. Главные из них – децентрация, отход от тотализующих моделей, неприятие бинарных оппозиций. Господство чего-либо единого, универсального в культуре (будь то гуманизм Возрождения, христианство или вера в прогресс) ставится под сомнение. Не может быть какой-то одной удобной для всех истины. Ничто не должно навязываться человеку, кроме закона, который будет призван охранять его жизнь и права. Инаковость принимается в той мере, в какой она способна принять другую инаковость. Любой «центр», любой проект, однозначно указывающий на универсальную цель, например, всеобщее благоденствие, не может считаться сколько-нибудь жизнеспособным. Децентрация предполагает отход мышления в стиле «главное – второстепенное». Рациональность, в эпоху модерна бывшая едва ли не главной ценностью, ставится под сомнение. В постмодерном обществе особенно заметна неуниверсальность морали, «одинокость морального субъекта», как называет это Зигмунд Бауман. Знание о том, что «люди поступают так, так всё устроено» не спасает нас, как пишет автор, от бессонных ночей и дней самоуничужения [7, 53]. Проявляется тенденция не столько к релятивности ценностей, сколько к *осознанию* их как релятивных, неукоренённых ни в природе человека, ни в идеологии.

Иными словами, постмодерн предполагает свободу действий человека и его толерантность по отношению к мышлению и образу жизни другого, если, конечно, этим не нарушаются права человека и законодательство. Никакая идеология не может в постмодерном обществе претендовать на господство, а мышление предельно открыто для восприятия новых явлений.

Здесь стоит отдельно обратиться к советскому человеку. Думается, мы не ошибемся, сказав, что момент распада СССР и быстрые экономические и политические изменения вызвали необходимость изменений и в мышлении, прежде всего, необходимость освобождения от свойственного советскому человеку патернализма. Юрий Левада неслучайно в свое время заметил, что советский человек – это человек простой [см.5]. Простота эта может быть выражена не только в непритязательности бытового плана (о чем в свое время интересно писала О. Гурова [см. 1]), но и о своеобразной «простоте действия», которая предопределена простой моралью и однозначными, пусть не всегда воспринимавшимися всерьёз, но укоренявшимися в сознании ценностями.

В этом смысле, советский человек, уповавший на силу и мощь государства, после распада Советского союза оказался в ситуации необходимости совершить выбор: выбор идеологический, профессиональный, моральный. В то же время гласность породила публикацию множества до того запрещённых или полузапрещённых материалов – как художественных, так и документальных – которые способствовали тому, что политические убеждения в короткий срок менялись на прямо противоположные. Патернализм, вероятно, предполагает и доверие к СМИ, к людям, облеченным неким не физическим превосходством – властью, образованием, интеллектом. Момент, когда государственные СМИ (а в Советском союзе все СМИ были государственными) вдруг начали транслировать совершенно иной взгляд на вещи, еще не привел к травме (и, как следствие, к кризису идентификации). К нему привели дальнейшие экономические и политические изменения, когда оказалось, что доверять не следовало ни первому, ни второму, так как ни тот, ни другой взгляд не

*См. Тарновский К.Ю. «Постмодерн» и «постмодернизм»: к вопросу о содержании понятий и актуальности их применения//Позиция. Философские проблемы науки и техники, № 7 (7), 2013. – С. 182-190.

может считаться априори истинным. Сама ситуация подталкивала к тому, что не может быть разделения на черное и белое, что действительность гораздо сложнее, чем представлялось, и возможность так или иначе составлять высказывания о ней предполагает рассмотрение ее с разных сторон. Необходимость разностороннего взгляда – то следствие депатернализации сознания, с которым советскому человеку было непросто справиться.

Эта «непростота» ни в коем случае не есть следствие какого-то особого скудоумия того, кого мы с некоторой долей условности именуем советским человеком. Она – порождение того «герметичного» в каком-то плане общества, в котором происходило его развитие. И эта герметичность стала явной тем в большей степени, чем в большей степени в Россию проникал постмодерн.

Конечно, не для всех живших в СССР он был явлением новым. Но до поры до времени он оставался уделом нонконформистских движений: художников, писателей, причем маргинальных с точки зрения официальной идеологии. Они, вероятно, не просто были готовы к повороту в сторону постмодерна, они его внутренне уже пережили. Однако только в 1990-е годы постмодерн заявил о себе как явление массовой культуры, как определённого рода *мышление*, и те культурные коды, которое это мышление порождает. Естественно, такой резкий переход – стремительное движение от патернализма к постмодерну – не мог не сказаться на способности человека ответить на вопрос «кто я».

Мы склонны выделять также третью составляющую этого кризиса – постиндустриальное общество. Если постмодернизм может рассматриваться как рефлексия, имеющая своим предметом различие современного и постмодерного общества и находящая выражение в культуре, постиндустриальное общество являет собой не столько поворот в сознании (открытость, восприимчивость к Другому), сколько поворот в технологиях, также меняющих человека. Можно воспользоваться также различием Ж.-Ф. Лиотара, применявшего понятие «постиндустриальный» к обществу, тогда как постмодерн – к культуре (культурной эпохе) [3, 14]. Конечно, можно использовать понятия «постмодерное общество» и «постиндустриальное общество» как синонимы, но скорее, это две стороны одной медали: говоря о постмодерне, как факторе изменения человека, мы подчеркиваем именно изменения ментальные, ценностные, моральные; говоря о постиндустриальном обществе, мы имеем в виду прежде всего изменения в образе жизни этого человека, которые обусловлены именно влиянием технологий.

О каких изменениях идёт речь? Прежде всего, о тех, которые связаны с предельно быстрой передачей данных, которые несут в себе определенную ценность. Так, фриланс в его общепризнанном виде, был бы невозможен в обществе, где нет Интернета: ведь большая часть фрилансеров передают результаты своей работы именно через Интернет (верстка и дизайн изданий, рисунки, переводы, фото, аудио- и видеофайлы). С другой стороны, несомненно, что рост потребностей в услугах порождает и предложения подобного рода. Производство, которое в обществе индустриальном, было альфой и омегой социальной жизни, давая рабочие места и накладывая на существование индивида определённую форму, всё более теснится сферой услуг. Причем, в этой сфере появляются всё новые области, связанные с внедрением новых технологий, и человек, желающий оказаться востребованным на рынке труда, должен просчитывать, предполагать, в каком направлении будет идти развитие этих технологий.

Социальные институты, однако, не всегда способны успеть за этими изменениями. Так, в России переход к постиндустриальной парадигме начал осуществляться тогда, когда она еще «по духу» была индустриальной державой (мы имеем в виду 1990-начало 2000-х гг.). В этой ситуации многим людям пришлось самостоятельно открывать для себя новые области, неведомые им до той поры, о которых редко можно было получить какое-то представление через институт образования. Такая ситуация может быть названа одним из факторов кризиса профессиональной самоидентификации.

Открытость информации – еще одна черта постиндустриального общества – явление, которое может быть осмыслено двояко. Так, с одной стороны, человек в постиндустриальном обществе получает множество инструментов для саморазвития: он имеет доступ к несметному множеству книг, интерактивных курсов, может осваивать программы для того или иного творчества. Недостаток информации сменяется ее избытком. Но насколько человек способен обрабатывать эту

информацию и критически ее воспринимать? Даже в таком лабильном, казалось бы, обществе всё равно выделяются несколько источников, которые для того или иного человека являются важными. Возникает *иллюзия возможности знать всё* и стать всем, но при этом более размытым становится ответ на вопросы «кто я сейчас?» и «что я знаю на самом деле?».

В конечном счете, проблема самоидентификации напрямую связана с проблемой ценностей. Есть понятия, которые достаточно однозначны: археолог всегда остаётся археологом, верующий – не является атеистом, а школьник не есть учитель. Однако усложнение мира вызывает взаимопроникновение понятий, образов, смыслов, которые ослабляют однозначность восприятия и самоидентификации. Мы сказали, что постмодерн является структурой, в рамках которой идет развитие прогрессивных, определяющих развитие того, что мы называем постиндустриальным обществом. И в то же время другие структуры, такие как премодерн и собственно модерн, со свойственными им идеологическими, ментальными, ценностными установками, не сходят со сцены. Но это не значит, что в одном месте мы видим только модерн, а в другом – чисто традиционное общество. Напротив, открытость мира, ставшая возможной благодаря всепоглощающему проникновению Интернета и сотовой связи, благодаря влиянию социальных сетей и блогов, приводят к тому, что общества, раньше существовавшие достаточно закрыто, открываются друг другу. Это означает, что ценностные установки, присущие всем трем системам, начинают пересекаться, взаимопроникать и наслаиваться друг на друга. При этом есть как их взаимная расположенность и проникновение (рождающая, условно, *принцип толерантности*), так и желание сохранить те или иные ценности неизменными, ограничить влияние на них со стороны (*принцип фундаментализма*).

Анализируя связь премодерна (традиционного общества), модерна и постмодерна одиозный, но, несомненно, талантливый автор А.Г. Дугин замечает, что постмодерн есть, прежде всего, следствие нарастания рефлексии внутри модерна. Он настолько же отрицает его, насколько ему наследует. Но самое главное другое: социальные институты, образование, научно-популярные представления, существующие сегодня и закрепляющиеся в обыденном сознании, принадлежат все ещё модерну, и лишь *небольшая часть интеллектуальной элиты* мыслит себя уже вне модерна. Таким образом, получается, что постмодерн существует скорее в умах, чем на самом деле, тогда как в реальности господствует модерн [см. 2].

Думается, это так и не так. То, что постмодерн осмысливается и «переживается» немногими, не означает, что общество не меняется. Кризис идентификации, на наш взгляд, и возникает прежде всего потому - и это следует подчеркнуть - что происходит напластование социальных институтов индустриального общества, его клише (прогресс, рациональность и др.) и ценностей постмодернистского общества. Невозможность осмыслить соотношение этих двух достаточно разных позиций приводит к идентификационному коллапсу. Это можно проиллюстрировать простым примером: студент видит вокруг себя взрывной рост технологий (3D-принтеры, смартфоны, дроны и т.д.), который меняет правила ведения бизнеса (бизнес в Интернете, разработка приложений для смартфонов, фриланс), но при этом в учебниках он встречает описание стандартных моделей, не отвечающих запросам времени. Иными словами, социальные институты, такие как образование, не успевают осмыслить изменения, поскольку эти изменения происходят слишком быстро. Человек продолжает усваивать определённые образцы, ценности, подходы, одновременно наблюдая, что они уже утрачивают свою силу.

Самосознание и социальные институты обществ, подвергшихся «модернизации», были совсем иными. Даже будучи формально вытесненными, они не перестали существовать, обусловив наложение модерна и традиции. Восточные общества оказались восприимчивы ко многим ценностям запада (как модерна, так и постмодерна), но это не означает, что они перестали мыслить по-своему.

Трудность существования в такой парадоксальности порождает кризис идентификации. Взаимовлияние идей постмодерна и традиции порождает парадоксальный феномен. То, что постмодерн не вездесущ и не является единственным временем для большинства людей - не удивительно. Интереснее другое: сама традиция под воздействием модернизации меняется и во многом теряет самое себя. Почему невозможно вернуться к определённому укладу, имевшему место когда-либо раньше? Не потому, что он не находит отклика в обществе, напротив, социальный заказ

на патриархальность, на архаику, высок, т.к. необходима какая-то точка опоры в слишком релятивизированном обществе постмодерна. Но возврата не может быть именно потому, что под влиянием модернизации *меняется сама традиция, от которой, как правило, остаётся только форма, представление о традиции.*

Подытоживая сказанное, можно прийти к следующей идее. То, что проблема затруднённой самоидентификации стала насущной именно сегодня, как нам кажется, не в последнюю очередь связано с тем, что именно сейчас мы видим взаимодействие и взаимопроникновение, наложение (часто – сопровождающееся конфликтами и антагонизмом) трех парадигм – традиционной (премодерн), индустриальной (модерн) и постиндустриальной (то, что условно можно назвать постмодерном). При этом мы находимся в моменте, когда последняя может восприниматься уже не как нечто становящееся, но как нечто ставшее, и именно в этом «ставшем» виде оно начинает прояснять свои ценности. Эти ценности могут сочетаться внутри одного общества, сообщества и даже одного человека с ценностями предыдущих парадигм, которые также не исчезают. Наоборот, релятивизм постмодерна (видимый или реальный) порождает «откат», запрос на консервативность, традиционность. Переплетение ценностей сказывается на возможности для личности идентифицировать самое себя, т.е. осознать свою целостность, выделить «сущее» и «должное» и обозначить путь от первого ко второму как правильный.

Библиографический список:

1. Гурова О.Ю. От товарища к товару: предметы потребления в советском и постсоветском обществе// Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. С.35-49.
2. Дугин А.Г. Социология воображения [Электронный ресурс] <http://www.imaginaire.ru/content/dugin-sociologiya-voobrazheniya>
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Спб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
4. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности//Социологический журнал, 2008, №3. – С.45-61
5. Советский **простой человек** : Опыт социального портрета на рубеже 90-х : [Сборник / Отв. ред. Ю. А. Левада]. - М. : Мировой океан, 1993. - 299 с.
6. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 543 с.
7. *Bauman Z.* Postmodern Ethics. Cambridge, MA: Basil Blackwell. – 246 p.

Tarnovskii K.Y. Self-identification crisis in postmodern society: Russian view

The article concerns the problem of self-identity and self-identification in postmodern society. Identification crisis is associated with layering of modern, premodern and postmodern paradigms. In Russia this crisis has its peculiar features some of which are being examined in the article.

Keywords: identity, self-identification, modern, premodern, postmodern society, anomie, soviet man, paternalism.